

11. Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone / J.K. Rowling. – L.: Bloomsbury, 1997. – 215 p.
12. Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets / J.K. Rowling. – L.: Bloomsbury, 1998. – 257 p.
13. Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban / J.K. Rowling. – L.: Bloomsbury, 1999. – 317 p.
14. Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire / J.K. Rowling. – L.: Bloomsbury, 2000. – 665 p.
15. Rowling J.K. Harry Potter and the Order of Phoenix / J.K. Rowling. – L.: Bloomsbury, 2003. – 638 p.
16. Rowling J.K. Harry Potter and the Half-Blood Prince / J.K. Rowling. – L.: Bloomsbury, 2005. – 607 p.
17. Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows / J.K. Rowling. – L.: Bloomsbury, 2007. – 607 p.

УДК 821.02.04

Машикина Е.Н.
(Киев, Україна)

**СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СИТУАТИВНОГО
КОНТЕКСТА ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА XIX ВЕКА**
*(на матеріалі щоденникових записей Лоренса Олифанта
«Narrative Of The Earl Of Elgin's Mission To China And Japan, 1857-58-59»)*

Стаття присвячена дослідженню феномену людей як ситуативного контексту в процесі комунікації. Робиться висновок про переважання інтересу до групи над інтересом до індивідуальності й соціального над особистісним. В результаті дослідження можуть бути використані в подальших розробках проблем впливу ситуативного контексту на процес комунікації.

Ключові слова: комунікативна ситуація, ситуативний контекст, комунікант.

Статья посвящена исследованию феномена людей как ситуативного контекста в системе коммуникации. Делается вывод о преобладании интереса к группе над интересом к индивидуальности и социального над личностным. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших разработках проблем влияния ситуативного контекста на процесс коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, ситуативный контекст, коммуникант.

The article deals with the exploration of phenomenon of people as situational context in the process of communication. It is concluded about greater interest to the group than to the

© Машикина Е.Н., 2011

individuality, to social than to individual. The results of the exploration could be used in further work on the problem of influence of a situational context on the process of communication.

Key words: *communicative situation, situational context, communicant.*

Проблемы коммуникации являются уникальными проблемами, в силу своей непреодолимой актуальности. Различные теории информации, по-разному представляют схему коммуникативного акта, но все они обязательно включают адресанта и адресата, сообщение, обратную связь [2: 55]. Отметим, однако, что не все исследователи рассматривают в рамках структуры коммуникативного акта **ситуативный контекст**. С точки зрения Ф.С. Бацевича, ситуативный контекст общения представляет собой «обстоятельства, в которых происходит общение: место, время, личность партнера (партнеров), социальные роли участников и т.д.» [1: 66]. С.В. Лескина в статье «Экстралингвистическая каузальность пейоративности фразеологизмов английского и русского языков» пишет, что ситуативный контекст часто понимается «как сумма всей опознаваемой релевантной информации, включая **физическое и социальное окружение**, а также внутреннее состояние говорящего – душевное и физическое, плюс исторические данные (например, биография), знания о сходных ситуациях в прошлом, прогнозирование явлений в будущем» [3]. Важной частью коммуникативного акта мы считаем присутствующих при коммуникации людей, не принимающих непосредственного участия в коммуникации. С нашей точки зрения не принимающие непосредственного участия в коммуникации люди могут быть рассмотрены как часть ситуативного контекста, поскольку основная их функция – статусообразующая, что сходно с функцией материальной части ситуативного контекста. В данной статье мы хотели бы обратить внимание на «фоновых» участников коммуникации, под которыми мы подразумеваем социальное окружение. На примере дневниковых записей, в которых отражено восприятие комплекса коммуникативных ситуаций, мы проанализируем особенности восприятия этого элемента коммуникативной ситуации (далее КС).

Материалом для исследования послужили дневниковые записи Лоренса Олифанта, участника английской дипломатической миссии в Японии в начале, так называемой, эпохи Мэйдзи. Данный межкультурный контакт относится к середине XIX века, то есть к периоду «открытия» Японии после долгой дипломатической изоляции. Поэтому особенностью коммуникативного процесса можно назвать минимальное число пресуппозиций воспринимающей стороны ввиду огромного перерыва в дипломатическом общении, что обеспечивало максимально «чистое восприятие», без предвзятости опыта общения с японцами, представляя собой первое впечатление о стране и ее жителях.

Исследуемый материал – дневники, принадлежащие перу Лоренса Олифанта, бывшего секретарем главы миссии – лорда Эльджина. Лоренс Олифант – дворянин, происходящий из древнего шотландского рода. Он входит в число основных коммуникантов, принимающих непосредственное участие в переговорном процессе.

Рассмотрим КС, в которой автор упоминает о социальном окружении. Она представляет собой встречу представителей английской миссии с японскими министрами, она включает в себя путь, проделанный англичанами до места встречи и обратно и собственно саму встречу, которую можно разделить на официальную переговорную часть и неофициальную часть – совместную трапезу.

Мы рассмотрим три категории людей: присутствующие при коммуникации представители японского чиновничества, встреченные по дороге японцы высокого статуса и слуги, присутствовавшие при совместной трапезе японцев с англичанами. Как видим группа людей, составляющих ситуативный контекст данной КС, очень разнообразна и включает в себя представителей разных социальных групп.

Помимо основных коммуникантов, автор упоминает присутствующих при коммуникации японцев, но не принимающих в ней непосредственного участия, отметим, однако, что по сравнению с другими людьми, составляющими ситуативный контекст КС, они оказывают наибольшее влияние на процесс коммуникации: «in a sort of passage formed by a hanging screen behind the Ministers, were **a row of people** who ostensibly took no part in the ceremony, but some of whom were no doubt spies, while others I observed occasionally prompting the Ministers. These latter personages seemed somewhat embarrassed by the novelty of their situation, and gave one the impression of being very new to office.» [6: 151-152] («в своего рода проходе, созданном висящей позади Министров ширмой, был **ряд людей**, которые якобы не принимали участия в церемонии, но некоторые из которых без сомнения были **шпионами**, в то время как другие, как я заметил, иногда подкашивали Министрам. Эти **последние osoby казались несколько смущенными новизной своего положения**, и **производили впечатление** очень плохо знакомых с ведомством.»). Внешность этих людей не описывается автором, называя их – «a row of people» («ряд людей»), «spies» («шпионы»), «latter personages» («последние osoby»). В первом случае использование неодушевленного существительного свидетельствует о максимально отстраненном и собирательном восприятии, наименование «spies» («шпионы») раскрывает их роль в переговорном процессе, причем, в справедливости своего суждения Олифант уверен: «no doubt» («без сомнения»), последнее наименование также свидетельствует о собирательности. Подбор автором наименований свидетельствует об интересе к данным людям как группе, и отсутствию интереса к отдельной личности. Отметим, что автор сам указывает на роль данных людей в коммуникации: «ostensibly took no part in the ceremony» («не принимали участия в церемонии»).

Встреченные по дороге.

Люди встречной процессии: «I made my first experience of a norimon on this occasion, and obtained a view of **the crowd** in a squatting posture; for while the train of ten norimons was passing, the people sat on their heels to obtain a good view of the occupants. As **some of these were naval officers in full uniform**, they exhibited signs of unusual satisfaction.» [6: 150] («Пользуясь случаем, я впервые попробовал норимоны, и получил представление о толпе в позе на корточках; поскольку, в то время как проходила процессия десяти норимонов, люди сидели на пятках и можно было получить хорошее представление о жителях. Поскольку **некоторые из них были военно-морскими офицерами при полном параде**, они показали признаки необычного удовлетворения.»). Автор упоминает о толпе – «the crowd», характеристика этой группы людей, составляющих материальный контекст встречи, в тексте отсутствует, упоминается только поза – «squatting posture» («поза на корточках»), «people sat on their heels» («люди сидели на пятках»), экспрессивный компонент в данном описании отсутствует. Представляет интерес упоминание о проходившей процессии, некоторых представителей которой автор называет «naval officers» («морские

офицеры»), из описание внешности которых выделяется только одежда: «in full uniform» («при полном параде»). Такие суждения свидетельствуют о наличии у Лоренса Олифанта определенных знаний относительно японского костюма разных сословий, кроме того, как можно заключить, одежда представляет собой важный маркер социального статуса для автора. Кроме того, отметим внимание автора к одежде описываемых людей, оценка которой позволяет ему судить об их статусе. Отметим, что основное внимание обращено на внешность людей, их положение. Такое распределение внимания диктуется тем, что основным каналом восприятия выступает визуальный канал.

Слуги.

В системе присутствующих при коммуникации людей отдельное место занимают слуги. Лоренс Олифант описывая совместную трапезу японцев и англичан на японской территории, обращает внимание на японскую прислугу. Отметим, что автор, относится к сословию дворян, он имеет более высокий статус, чем описываемая им социальная группа, что определяет в большой степени его восприятие данной категории людей.

Рассмотрим основные тенденции восприятия данных фоновых коммуникантов: «While this was going on, **a train of youths entered**, bearing pipes and tea. They **were all dressed simply, and uniformly**; indeed, so exactly did they resemble one another, that they must have been selected as good matches. They entered with an air of profound respect, the head slightly bent, the eyes fixed on the ground, and moved with a shuffling gait, as though afraid to lift their feet from the floor. During the period of our visit these young men were constantly coming in with refreshments, and as they never looked up, it was always a matter of wonder to me how they found their way; while the monotonous regularity of their movements was quite painful. Notwithstanding which, it must be admitted that the manners of flunkies in Japan are infinitely more agreeable than those of the same race in our own country.» [6: 152-153] («В то время как шла беседа, вошла **процессия молодых людей**, неся трубки и чай. Они были **одеты просто и однообразно**, на самом деле, **так похожи друг на друга**, что, должно быть их подбирали по схожести. Они вошли с видом глубокого уважения, голова немного наклонена, глаза уставлены в пол, и двинулись с **шаркающей походкой**, **будто боялись оторвать ноги от пола**. Во время нашего посещения эти молодые люди **постоянно входили с закусками, и поскольку они никогда не смотрели вверх, меня постоянно удивляло, как они доходили; в то время как монотонный порядок их движений был тяжелым**. Несмотря на него, нужно признать, что **манеры лакеев в Японии бесконечно более приятны, чем таковые из той же самой породы в нашей собственной стране.**») Слуги именуется автором «a train of youths» («процессия молодых людей»). Автор употребляет лексему «train» («процессия»), имеющую коннотацию **собираемости** [5: 6422]. Описанию их внешности автор уделяет много внимания: «dressed **simply, and uniformly**» («одеты **просто и однообразно**»). В данном описании присутствуют оценочные прилагательные «simply» и «uniformly», кроме того отмечается их антропологическая схожесть – «so exactly did they **resemble one another**, that they must have been selected as good matches» («так похожи друг на друга, что, должно быть их подбирали по схожести»). Автор акцентирует внимание на схожести японских слуг как на лексическом – наречие «exactly» в сочетании с интенсифицирующей частицей «so», так и на лексико-синтаксическом – глагол прошедшего времени «did» и прием инверсии, что

свидетельствует о стремлении автора выделить данную информацию. Кроме того, отмечается также и невербальное поведение этих людей: «They entered with an air of profound respect, the head slightly bent, the eyes fixed on the ground, and moved with a shuffling gait, as though afraid to lift their feet from the floor» («Они вошли с видом глубокого уважения, голова немного наклонена, глаза уставлены в пол, и двинулись с шаркающей походкой, будто боялись оторвать ноги от пола.»), «they never looked up» («они никогда не смотрели вверх»), «the monotonous regularity of their movements was quite painful» («монотонный порядок их движений был достаточно тяжелым»). Отрывок характеризуется достаточно **высокой экспрессивностью**: оценочное прилагательное с высокой степенью признака «profound» («глубокий»), глагол, обладающий достаточно высокой степенью экспрессивности «afraid» («бояться»), экспрессивное прилагательное с интенсификатором «quite painful» («достаточно тяжелый»). Общая оценка манер японской прислуги положительная: «the manners of flunkies in Japan are infinitely more agreeable than those of the same race in our own country» («манеры лакеев в Японии бесконечно более приятны, чем таковые из той же самой породы в нашей собственной стране»). Оценка обладает высокой степенью экспрессии – в роли интенсификаторов выступают сразу два наречия, усиливая прилагательное «agreeable» («приятный»), согласно словарю – «Pleasing, either to the mind or to the senses; to one's liking:» («приятный или для разума, или для чувств, по нраву») [4: 117], обладающее положительной коннотацией. Заметим, что такая оценка выводится из сравнения со слугами своей страны, т. е. чужое здесь описывается более положительно, чем свое, что свидетельствует о большой объективности автора и о постепенном освоении чужой культуры.

Основной тенденцией, как видим, является собирательность, превалирование интереса к группе над интересом к отдельной личности, либо полное отсутствие внимания к индивидуальному.

Выводы к статье могут быть сформулированы следующим образом:

1. Ситуативный контекст, включающий в себя социальное окружение, могут составлять люди различного социального статуса.
2. Степень влияния людей ситуативного контекста может существенно варьироваться и она тем больше, чем более важную роль они играют в КС.
3. Основная черта, характеризующая данный элемент процесса восприятия – **низкая заинтересованность воспринимающего в личностных характеристиках** представителей этой группы людей, что проявляется на языковом уровне в тенденции к собирательности, отражаемой, прежде всего, на лексическом уровне.
4. Основным каналом восприятия в случае с представителями ситуативного контекста, бесспорно, является визуальный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики: Підручник. – К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 344с. (Альма-матер)
2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: Учебное пособие. – М.: Гнозис, 2007. – 368с.

3. Лескина С. В. Экстралингвистическая каузальность пейоративности фразеологизмов английского и русского языков // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. №3 с. 797 Режим доступа к статье: <http://www.bsunet.ru/vestnic/2009-3/17.doc>

4. The century dictionary an encyclopedic lexicon of the English language [Электронный ресурс] Vol. 1. – New York : by The Century Co, 1889. 1895. Режим доступа к статье: <http://archive.org>

5. The century dictionary an encyclopedic lexicon of the English language [Электронный ресурс] Vol. 7. – New York : by The Century Co, 1889. 1895 // Режим доступа к статье: <http://archive.org>

6. Oliphant, Laurence Narrative of the Earl of Elgin's mission to China and Japan, in the years 1857, '58, '59 [Электронный ресурс]. – Edinburgh, London : W. Blackwood and sons, 1859. 2 v. col. fronts., illus., plates (part col.) fold. maps. Режим доступа к статье: <http://archive.org>

УДК 008:21.009:801.56

Юрченко О.М.
(Харків, Україна)

БІБЛІЙНИЙ СИМВОЛІЗМ ЯК ЗАСІБ ІНФОРМАЦІЙНОГО ЗАХИСТУ ТА КУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

У статті запропонований принципово новий ракурс осмислення біблійного символізму, зокрема біблеїзмів як лінгвокультурологічних одиниць, що мають не лише мовне наповнення, а й зберігають у часі інформацію культурного характеру.

Ключові слова: біблійний символізм, біблеїзм, асиметрія біблеїзмів, культурно-національна картина світу, мовна картина світу.

В статье предложен принципиально новый ракурс осмысления библейского символизма, в частности, библеизмов как лингвокультурологических единиц, которые имеют не только языковое наполнение, а и сохраняют во времени информацию культурного характера.

Ключевые слова: библейский символизм, библеизм, асимметрия библеизмов, культурно-национальная картина мира, языковая картина мира.

The article offers the new perspective of Biblical symbolism such as Biblical phrases and words as linguistic and cultural-logic units, which have not only linguistic meaning but also preserve cultural and national information in time continuum.

Key words: Biblical symbolism, Biblical lexical units, asymmetry of Biblical lexical units, cultural and national picture of the world, linguistic picture of the world.